

В общем, я получил от командира денег в сумме более двух тысяч рублей и верхом на ротной оседланной лошади поехал в Кара-Килису, куда и приехал к часу дня 12-го мая. Отдохнув с полчаса, я пошел в канцелярию нашего полка, сдал при рапорте следующую сумму и справился с другими делами. К 7 часам вечера я пошел на полевую почту, купил сто переводных бланков и затем, написав около 70-ти переводов, сдал тут же на почте чиновнику. На почте пришлось подождать получения квитанций до 9 часов вечера.

13 мая. Я утром пошел в канцелярию полка, получил для своей ротной канцелярии писчей бумаги и книгу «Дневных Записок». Затем прошел в лавку, сделал небольшую покупку себе и командиру и ровно в 11 часов выехал из Кара-Килисы. В Хошиан приехал к 3 часам дня.

16 мая. Получено было приказание выступать 5-й, 6-й, 7-й и 8-й ротам вперед через Клыч-Гядукский перевал. 5-я рота стояла до этого впереди от Хошиана, в 15-ти верстах в горах, в селе Севине. Мы должны были ожидать прихода 5-й роты, совместно с которой и должны были двигаться всем батальоном. Ровно в 5 часов вечера три роты — 6-я, 7-я и 8-я — выстроились на плацу. Пришел наш батальонный командир капитан Вернигорин, поздравил нас с походом, пожелал нам всего лучшего и счастливого возвращения всех домой. Затем прочитал молитву, все обнажили головы... Последовала команда: «На плечо!», «Отделениям правые плечи вперед! Шагом марш!», и все тронулись в путь, не зная, что впереди каждого из нас ожидает. В пути каждый солдат делал крестное знамение и в душе молил Бога о счастливом походе... За деревней Хошиан, по обеим сторонам дороги, были выстроены в две шеренги ратники из дружины, которые крикнули «Ура!», пока мы проходили. В ответ им мы тоже кричали «Ура!». Пройдя уже их ряды, все еще доносилось громкое могучее «Ура!», которым они нас провожали. Из этого видно, какая тесная связь и любовь обща на общее святое дело. И успех наш заключается во взаимной любви и поддержке друг друга во всех боях. В этот день мы должны были дойти лишь до Чурука. Пришли в Чурук к 7 часам вечера. Лил хороший дождь, пока шли, и, так как было на дворе грязно и сыро, нас разместили по избам. Мы себе нашли чистенькую комнату, сравнительно от землянок, хотя без дверей, но все же лучше, и можно будет обсохнуть. В этой комнате поместились я, наш фельдфебель Михаил Мащенко, фельдшер, инструктор с каптенармусом и еще 3 человека из нашей роты. Затем следовала обычная привычка: согрели в ведре чаю, а у меня имелась и закуска домашняя — колбаса, сардины и сало. После завтрака и чаю улеглись спать.

17 мая, то есть на другой день, утром, в 10 часов, выступили из Чурука на Султан-Абад. Дорога шла через реку Шар-тян-Су, которая после дождей широко разлилась и снесла устроенный саперами временный мост. Подойдя к реке, некоторые из офицеров верхом начали искать брод, где можно будет переправиться. Брод подыскали на самом широком месте, так как было не очень глубоко. Все солдаты разулись и частью разделись, уложив свои вещи, то есть скатки, патроны, вещи, вещевые мешки и т. п. в палатки. Взяв в одну руку винтовку, а в другую узел с вещами и своей одеждой, мы начали один за другим «гуськом» переправляться через реку. Вода была очень холодная. Сначала ноги просто ломило от холода, вероятно, от непривычки. Но затем как-то забылся холод, а стало больно от камней, потому что ноги очень болели от неровных, мелких камней. Я чуть не выронил свой узел, наступив на острый камень, но меня товарищ поддержал, и я сам сознавал, что от этого не получается, глубина была средняя, не более как до пояса и немного выше. Наконец, часа через 2 — 3 переправились все три роты и обоз. Тут все оделись, обсохли на солнце и пришли в Султан-Абад, который был уже близко. Расположились на склоне в палатках, на зеленой травке. Это было впервые после зимы, когда мы на чистом свежем воздухе среди цветов и трав устроились в своих походных палатках. Словом, вышли как на дачу. Как хорошо и весело жить в поле после этих грязных, темных, прокопченных землянок курдских деревень... Мы, четверо, устроили сзади нашей роты отдельную палатку: я, фельдшер, инструктор и рядовой Басенко Михайл, который взялся тут же за приготовление завтрака и чая. День прошел весело, кругом солдаты играли на гармони, пели и плясали до поздней ночи. На другой день, утром, мы должны были ожидать прихода нашей полковой духовой музыки, которая ночевала в Челканах. К 9 часам музыка уже была в Султа-Абаде.

18 мая. Полковой хор был составлен из запасных музыкантов, и всего только как недели две, не больше, и поэтому требо-

вать много от них было нельзя. По просьбе батальона они сыграли два марша. Затем быстро убрали палатки и выстроились. Ровно в 10 часов утра выступили к перевалу Клыч-Гядук. Идти было трудно, так как пришлось подниматься в гору, да еще в полном снаряжении, а тут солнце печет и невыносимо жарко. Шли поэтому тихо, час-сто отдыхали. Часа в 2 дня дошли до самого перевала. На перевале стояла рота, казаки и два полевых отряда. Здесь мы отдохнули почти около часа и двинулись вниз по направлению города Дутах-Кебиру. Спустившись в долину и пройдя около 5 верст, был привал. На привале отдыхали, а некоторые сейчас же пошли на поиски дров и стали греть чай. Жара стояла всю. Я тоже немного уснул, встал и напился чаю, который мне предложили товарищи, имевшие его в изобилие. Здесь играли музыканты несколько раз, и затем тронулись в путь. До Дутаха еще было около 18-ти верст. В Дутах пришли часам к 9-ти вечера и стали биваком за городом по правую сторону реки Ефрат.

22 мая. Всего в Дутахе мы простояли мало, около трех дней. Время провели спокойно. У нас в роте имелся бредень (небольшой), и ротный командир ходил с несколькими солдатами ловить рыбу в реке Ефрат. Рыба ловилась хорошо, была крупная, так что несколько раз мы жарили свежую рыбу. Приходилось мне быть в городе. Сравнительно с Кара-Килисой, отмечу, что Дутах красивее. Стоит внизу, кругом горы и с одной стороны река. Но построен, как и другие турецкие местечки, без всякой планировки. Деревьев нет никаких. Но есть

и пожелал нам всего хорошего... Погода была после дождя прохладная, и идти было хорошо. К 7 часам уже 6-я и 8-я роты были за 20 верст у села Аджибот, где высыпала масса армян и все сняли свои шапки... Здесь стали мы биваком. Выйдя из Шейх-Зелаяна, верстах в 5-ти, была какая-то маленькая курдская деревня, где ютилось немного армян, бежавших из своих селений. Все радостно встречают. Когда я с ними поздоровался, то меня окружила целая куча армянских женщин и детей. Все расспрашивали, кто я и откуда идем, много ли нас и т. п. Мне сильно хотелось пить. Я попросил их, нельзя ли наскоро как-нибудь вскипятить воды для чая, а чай и сахар у меня был, да и хранилось еще печенье. Одна из женщин армянок стремглав бросилась к себе и обещала, что постарается согреть воду. Через полчаса я уже сидел у нее вместе с Павлом Прокопенко и Костенко. Она подстелила нам какое-то одеяло на пол и тюфяк и просила извинения, что не чисто, и не может нас должно принять. С заботливостью пополоскала она наши кружки, принесла в глиняной чашке молока, три-четыре лаваша и стала наливать нам чай. Чай и сахар, конечно, были наши, а эти несчастные беженцы ничего не имели. Многие она поведала нам о своем горе: как убили ее мужа и она осталась с дочерью; как каким-то чудом ей удалось бежать из своей деревни, недалеко от [...] Мы наскоро напился чаю с молоком, дали ей немного денег и чаю с сахаром, она не брала, но мы ее заставили взять, так как ей это дорого стоит, и, пожелав ей всего хорошего, ушли.

отдельные хорошие здания из камня. Работа наших войск кипит вовсю, исправляют дороги. Уже построены полковые хлебопекарни, есть скиды интендантства и дивизии. На Ефрате идет усиленная работа по постройке моста. Мост хороший и приспособлен для езды.

21-го мая наш батальон выступил из Дутах в 2:30 дня вперед. Шли часа 4 и расположились лагерем при турецкой деревне Шейх-Зелаяна. Здесь, как видно, жители не успели бежать, и в деревне много турок, детей и женщин.

25 мая был молебень, а затем парад. Проходили церемониальным маршем. К вечеру этого дня было гуляние. Играла впереди лагеря музыка, играли гармонисты, танцевали многие, пел светские песни полковой хор певчих. Нашлись и комики, артисты, рассказчики и куплетисты; был подражатель под свист разных птиц. Словом, весело провели время. Во время этого гуляния присутствовали наш командир полка, все офицеры, врачи и священник. Под конец заиграли марш «Разлука», и вечер кончился, разошлись все по палаткам.

31 мая, воскресенье. Занятий нет, к вечеру играл хор полковой музыки и гармонисты, шли разные пляски и т. п.

2-го июня. Сегодня наша рота пошла в Дутах в баню купаться. Часам к 3-м дня я вместе с каптенармусом Павлом Прокопенко поехал ротной двуколкой в Дутах, откуда должны были привезти из пекарни хлеб. Я в Дутах искупался в устроенной бане один, так как рота давно уже выкупалась и уже сидела на берегу Ефрата, возле вновь устроенного конного моста. Набрал хлеба, мы с двуколкой возвратились обратно.

13 июня, ровно в 11 часов дня, экстренно получено приказание о выступлении 6-й и 8-й роты к 5-й и 7-й в Мелязгерт. Немедленно стали готовиться. Рота, пообедав, выстроилась во взводную колонну. Командир полка напутствовал нас

Много она молилась за нас и, смотря вслед, плакала, быть может, вспомнила она своего мужа или потерянную жизнь, или же жалела нас, не зная, но только мы ей и другим несчастным обещали, что жестоко отомстим этим варварам курдам за нанесенную им обиду. Одна старушка с мольбой и слезами умоляла нас, чтобы не убивали ее сына, которого взяли в «аскеры» турки. Возможно, его заставят идти впереди турок сражаться с нами; она даже описала наружность и приметы своего сына и просила как-нибудь его выручить из рук турок... Несчастная мать, как она легкомысленно и самонадеянно просила нас, как-будто это так легко выполнить. Но мы все-таки ей обещали исполнить ее просьбу и утешили... В сел. [...] где мы стали биваком, жили беженцы армяне из [...] Мелязгерт. Все сильно пострадали и разорились. Здесь солдаты покупали у них молоко, все они с затаенной радостью глядят на нас и питают надежду на свое будущее спасение. Готовы все оказать какую только могут услугу. Мы некоторым больным оказали помощь через посредство нашего врача Матрасовича. Выступили из Адем-Бота в 7 часов утра на Мезглярт. Дорога идет над горой с левой и рекой Ефрат с правой стороны. Во время привала возле одной деревни, где была тоже масса беженцев, солдат из 6-й роты сфотографировал группу армян и офицеров. Среди них вперемешку был и я. Среди беженцев большинство детей-сирот и женщин. Картина печальная. Так, понемногу, мы дошли до города Мелязгерта к 7 часам вечера. Высыпала масса армян-беженцев, все обнажали головы и кланялись. Заиграла музыка грозненского полка при входе нашем в крепость. Это встречали нас. Затем, пройдя город, мы стали биваком за городом, где, днем раньше, пришли наши 5-я и 7-я роты. Едва успели разбить палатки, как полил сильный дождь с градом. Спать было холодно и сыро. К утру погода стала лучше. К 8 часам наш бата-

льон уже собирался к выступлению дальше. Начальник дивизии, генерал-лейтенант Варопанов собрал нас вокруг себя и сказал несколько слов. Поблагодарил нас за понесенные труды и отличия, затем сказал, что посылает нас отомстить за наших пострадавших товарищей из 4-го батальона, которые имели бой с втрое большими силами турок, потеряли своего командира батальона капитана Никитина и еще трех офицеров и около 140 нижних чинов. Из Мелязгерта выступили на дер. Кара-Али-Ханык. Дорога идет здесь все время то в гору, то с горы. Эти горы очень нам надоели, и нет им конца. Наступили сумерки, а мы все двигались дальше. Наконец, показались деревня, подошли к ней, а это оказалась не та, и мы двинулись дальше. Стало уже темно, люди очень устали, но постепенно двигались то на гору, то под гору, некоторые не раз бранились на паршивые дороги и эти замучившие нас горы. И так, с отдыхом, идем и идем, обоз тоже движется следом за нами по крутым и косым дорогам, лошади также изрядно измучены. По времени мы бы должны давно быть в Ханыке, но она не показывалась. И, наконец, уже около 12 часов ночи стали мы спускаться книзу, выслали вперед драгун-разведчиков. И что же оказалось? Наш батальон сбился с дороги на Кара-Али-Ханык, и мы чуть было не напорились на турок. Медлить было нельзя, и сейчас же все повернули обратно назад, дабы не обидеть себя. Торопились и отошли назад за 6 — 7 верст. Здесь, близ какой-то курдской деревни, дали нам и обозу отдохнуть и подремать. Я так прозяб, что, пролежав на траве часа полтора, не мог удерживать дрожь тела и тряску своих зубов. Был весь вспотевший, затем лег на влажную траву в одной шинели. Скоро уже и заря. Но уже к 4 часам утра мы выступили вновь с проводниками-драгунами куда и следовало. Через час мы уже были все в Ханыке. Здесь было три полка драгун, Тверской, Нижегородской и Забайкальской, и еще батальон Грозненского полка.

15-го июня, ровно в 8 часов, двинулись к позициям неприятеля в боевом порядке. Удивительная местность, все время горы, одна выше другой, и крутые ущелья, скалы. Неприятель занимал дальние, самые высокие, вершины. Наша задача была сбить турок и занять г. Ахлат, что на берегу озера Ван. Все ехали и шли молча, озабоченно крестясь в дорогу. Да и было чего молчать и молиться. Ведь многих ожидала слава, а многих — геройская смерть. Но шли бодро и смело, сознавая важность момента и слова нашего нач. дивизии. Нужно было отомстить и выбить врага. За кавалерией и пехотой двигались носилки на двуколках с лошадьми лазарета 66-й пехотной дивизии. При нас была и артиллерия, горная и конно-горная, а также пулеметы. Сделали один выстрел по позициям турок из орудия. Сейчас же отозвались турки, которые стреляли из двух орудий. Нам нужно было узнать, как расположен враг. Наша рота была в прикрытии артиллерии. Шрапнели турок рвались недалеко, но не причиняли вреда нам. Наши старались скорее вывезти орудия на более удобную позицию и наскоро проделывали дорогу. Совместно с пехотой, часа через два, вытянули орудия на намеченные позиции. Между тем одно или два орудия перестреливались с турками для отвода глаз.

***

30 марта 1944 года, в 4 часа вечера, приехали с колонной машин 11 шт. с рыбой из города Кизляра. Часов в 17:00 я пришел домой. Вхожу и, к удивлению своему, вижу, что сидит дома Нина со своим сыночком Витей. Радости моей не было конца. Наконец у меня есть первый в моей жизни внучок Витя, и я стал дедушкой. Это Нина и зять Шура проезжали с особым поездом со своим институтом РООЖТА из гор. Тбилиси в город Ростов-на-Дону, где по дороге со ст. Гудермес Нина отстала от поезда и захватила с сыном к нам домой, а в это время Шушанна с Люсей ехали в Гудермес и ожидали встретить Шуру и Нину. Но Шура успел уже отправить Нину с Витей к нам домой. Нина пробывала у нас дома по 2-е апреля, а 2 апреля, в воскресенье, мы проводили Нину одну с поездом наливным при содействии Богдана Мартыновича, и внучок Витя остался у нас. С одной стороны, очень приятно нам иметь дома внучка, но, с другой стороны, мне его жаль, что он остался без матери и материнской груди, так как он остался на искусственном питании. Вот уже прошло пять дней, как дорогой Витя у нас. Шушанна-бабушка и Люся-тетя воспитывают и уделяют Вите особое внимание и безграничный уход во всем. День и ночь они проводят в хлопотах и уходе, и Витя выглядит очень хорошо. У нас он является предметом радости и счастья. Все внимание уделяем ему, и не наглядимся на него. Очень забавный мальчик, и растет нормально, благодаря уходу за ним бабушки и тети.